

Томский государственный университет

СИБИРСКОЕ ВЕЩЕНИЕ

Книга для учителя

Издательство Томского университета
2008

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ

XIX век

Литература Сибири набирала силу медленно и трудно. Она выростала из летописей XVII столетия о завоевании казаками местного ханства, из сказаний об их странствиях, из описаний быта, из житий святых подвижников. Основная цель этих сочинений – донести до будущих поколений деяния первых русских сибиряков.

В произведениях XVIII в. индивидуальное авторское сознание выражено уже вполне отчётливо – в стихах и сатире. Духовным центром Сибири всё это время оставался Тобольск, где в 1789–1790 гг. издавался первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», т.е. в реку вдохновения. Однако сибирские литераторы рубежа XVIII–XIX вв. слепо подражали российским: даже описание местной природы лишалось своеобразия и полнилось шаблонным восхищением дикой природой. Сибири надолго определили роль экзотического материала для российских читателей.

Особенно привлекала легендарная фигура Ермака, бывшего разбойника, поход которого положил начало присоединения Сибири к России. С конца XVIII в. по середину XIX ему посвятили много поэм, повестей и трагедий, воспевавших этот подвиг, но имевших или сомнительное отношение к реальной истории, или вовсе никакого.

Слабая типографская база и отсутствие широкого круга читателей вынуждали сибиряков выпускать свои издания в столицах. Историк Г.И. Спасский печатал журналы «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827) в Петербурге, литературный «Енисейский альманах» (1828) опубликовали в Москве, в 1880-х гг. крупнейший сибирский публицист Н.М. Ядринцев в Петербурге начинал газету «Восточное обозрение» и выпуск серии книг «Сибирский сборник», уже в XX в. там же основали

журнал «Сибирские вопросы». Кроме того, жажда заявить о себе заставляла стремиться в центры литературной деятельности отсюда, где между Тобольском и Томском, между Томском и Иркутском могло уместиться по Европе. Писатели, оставшиеся на родине, зачастую погрязали в безвестности. Первые произведения сибирских мастеров пера появились в пору расцвета романтизма и как раз пришлось ко двору по мировыражению.

Одним из лучших поэтов Сибири той поры был *Фёдор Иванович Бальдауф*, родившийся в 1800 г. на руднике близ китайской границы. Окончив петербургский Горный (т.е. геологический) кадетский корпус, он вернулся в родное Забайкалье. Он был знаком с будущими декабристами, и когда бунтовщиков пригнали в Нерчинск, здешнее начальство стало подозревать Бальдауфа в противоправительственных связях. Его мучило духовное одиночество, в 1838 г. он вызвался сопровождать в столицу караван серебра и решил в Сибирь не возвращаться. Смерть настигла его на границе Европейской России: он скончался от чахотки в Екатеринбурге.

Романтическое мироощущение не мешало Бальдауфу быть верным в описании природы, быта, общественных и психологических ситуаций. Так, в поэме «Авван и Гайро» (1834) русский Авван (Иван) и тунгуска Гайро, любившие друг друга, расстаются, потому что она не хочет изменить вере предков и креститься, после выходит замуж за нелюбимого, а Иван увлекается другой. В стихотворении «Бурятке» (1828), посвященном девушке, излечившей поэта от горячки, Бальдауф полон глубокой благодарности за ту естественную помощь, которую ему оказала «дева степи»:

Я помню утро... Закипал
Душистый чай в котле широком,
А ты в молчании глубоком,
Припав к узорчатым коврам,
Своим молилася богам.
Не обо мне ли одиноком,
Не обо мне ль молилася ты
И Шигемуни – духу мира,
В лице бездушного кумира
Вверяла смутные мечты?

Нет, дева степи, не забыть
Во дни судьбы моей ненастной
Твой образ смуглый, но прекрасный,
Твои заботы...

Поэт А.Н. Таскин позже взывал:

Не дать Бальдауфу погибнуть навсегда
В казавшейся ему такую страшной Лете.

По счастью, Лета, река забвения, не поглотила Бальдауфа, как многих его современников. Но его остальные сочинения пропали по вине родной сестры, истребившей рукописи на прокладки для пирогов.

К голосам из Сибири пытался привлечь внимание иркутянин, прозаик и историк *Николай Алексеевич Полевой* (1796–1846), издававший журнал «Московский телеграф». Его повесть «Сохатый» (1830), написанная в традициях романтического изображения разбойников, стала первой заметной заявкой на использование сибирских тем. Н.С. Щукин даже назвал её «знаменем литературного восстания сибиряков», но в произведениях о Сибири Полевой шёл вслед предшественникам: узлы якобы исторического сибирского сюжета в драме «Ермак Тимофеевич» (1845) очень напоминают таковые же в трагедии А.С. Хомякова «Ермак», а повесть и пьеса «Параша-сибирячка» (1840) о том, как девушка пошла к царю просить помиловать отца, и вовсе является переделкой сочинения французского писателя К. де Местра «Молодая сибирячка».

Родная сестра Полевого Е.А. Авдеева тоже переселилась в европейскую часть империи, но сибирский быт знала гораздо лучше брата и ей не изменяло чувство меры в изображении событий. В Петербурге осели прозаики из Иркутска И.Т. Калашников и Николай Семёнович Щукин (не путать последнего с его племянником, историком, носившим такое же полное имя).

Первый сибирский романист *Иван Тимофеевич Калашников* (1797–1863) работал с реальным историческим материалом, вводил в сюжет подлинных людей, но пользовался схемами дотоле известных авантюрных сочинений. В повестях «Дочь купца Жолובהва» (1831) и «Камчадалка» (1832) фабулы, взятые из XVIII в.,

даны по одному лекалу: браку влюблённых противодействуют развратные и алчные персонажи, однако зло карается благодаря появлению ревизора или нового начальства. Штампы сентиментальной и романтической литературы вели к изображению психологически не мотивированных ситуаций, нагнетание ужасов в «Камчадалке» схоже с приёмами ходульных трагедий, и автор даже пользовался слогом театральных ремарок, – так, отрицательный персонаж, «разорвав на себе одежду», кричит: «Расступись, земля, и сокрой меня от мучений! (Закальвается и упадет)». А в «Дочери купца Жолобова» злодей и впрямь гибнет во время землетрясения.

В принципе Калашников говорил о человеческих страстях вообще, когда бы и где бы то ни происходило. В повести «Изгнанники» (1834), несмотря на указанную столетнюю давность событий и конкретное место действия на крайнем Северо-Востоке, время и пространство оказываются фиктивными, а герои символически именуется как Судьба и Неволя. Между тем Калашников точно воспроизводил сибирскую лексику и фразеологию, чётко выстраивал разговор персонажей, умело воссоздавал жанровые картины и в повести «Жизнь крестьянки» (1835) добился реалистичности на уровне физиологического очерка.

В романе «Автомат» (1841) он живописал эпоху Отечественной войны и заключения добродетельного героя, готового служить России на гражданской и военной службе, но претерпевающего разные невзгоды. Пафосный слог и вкрапления дидактики в художественный текст мешали правдивости изложения, и критика желала Калашникову «побольше простоты в действиях, поменьше украшений в выражениях...».

Герои романтиков часто ставились в неестественные ситуации, однако патриархальное, не тронутое цивилизацией бытие аборигенов и краса сибирской природы вызвали к натуралистическому показу того, что российскому читателю неизвестно.

Установочная критика, в лице Белинского, например, требовала от сибирских писателей именно фактографии. В этом крылась большая проблема отношений: столица бралась предоставлять генеральные идеи, а провинция должна была поставлять материал.

В столицы устремился и поэт *Евгений Лукич Милькеев* (родился в 1815). В 1837 г. в Тобольск приехал знакомящийся с Россией

наследник престола (будущий император Александр II), а с ним в качестве наставника – В.А. Жуковский, коему Милькеев показал свои стихотворные опыты и был великим поэтом весьма одобрен. Жуковский зазвал его в столицы, и Милькеев поселился в Москве и стал служить в канцелярии губернатора.

Чуткая поэтесса К.К. Павлова уверяла Милькеева, что как литератор он может состояться лишь на родине. Его же вдохновляли высокие отзывы таких мэтров, как поэт и философ А.С. Хомяков, поэт академик С.П. Шевырёв и профессор П.А. Плетнёв, заявивший, что Милькеев «владеет самыми смелыми идеями и создал для них множество счастливых оборотов и выражений». Но, стремясь к философским обобщениям, он редко изображал реальную действительность: одним из исключений является поэма «Абалак» (1841) о явлении в XVII в. чудотворной иконы Божьей Матери. Милькеев жаждал постичь мир в его сути и понимал невозможность этого. В конце своей короткой жизни он добился большей достоверности:

И в воздухе свято нарили станицы
Пернатых – пустыни смиренных жильцов,
И с голосом лебедя речь голубицы
Сливалась в молитвенный гимн средь лесов.

В 1843 г. он выпустил книгу стихотворений и получил тяжкий удар от законодателя вкусов молодого поколения – «неистового Виссариона» Белинского, вступившего в борьбу со славянофилами и истреблявшего критикой литераторов, этому движению близких. Измученный жизненными неудачами, Милькеев повесился: даже дата его смерти неизвестна и колеблется между 1844 и 1847 годами.

Отлично от литераторов, ради славы навсегда покидавших Сибирь, поступил тобольчанин *Пётр Павлович Ершов* (1815–1869). Окончив философско-юридический факультет Петербургского университета в 1834 г., знаменательном для Ершова публикацией поэмы-сказки «Конёк-горбунок», он через пару лет вернулся на родину и занялся педагогической деятельностью. Он мечтал «глагол на Азию простерть» и «лучом гражданства озарить» её («Тимковскому», 1835), но столь грандиозная задача оказалась не по силам одному человеку.

Ершов был точен в деталях и в передаче речи – это касается не только отчасти ироничной прозы, но и романтической поэмы о жене хана Кучума – «Сузге» (1837), где характеры татар и русских даны в соответствии с исторической правдой. Любопытно, что вместе с братьями Жемчужниковыми и А.К. Толстым Ершов приложил руку к созданию знаменитой пародийной фигуры писателя Козьмы Пруткова.

Немало талантливых писателей было и среди ссыльных, но они стремились говорить об общечеловеческих проблемах и собственных страданиях, считали себя в Сибири случайными поселенцами и не ставили пред собою цель способствовать здешнему литературному процессу.

Единственный сибиряком среди декабристов был *Гавриил Степанович Батеньков* (1793–1863). В 1812–1815 гг. он участвовал в войне против Наполеона и бывал многократно ранен (в одном из боёв получил десять штыковых ран), а потом стал инженером путей сообщения и уехал в Сибирь. Здесь он работал в родном Тобольске, Томске, Иркутске: в Томске составил план города и возвёл мост, в Иркутске спроектировал набережную Ангары, возведённую чуть позже, и Кругобайкальский тракт, который стали строить незадолго до смерти Батенькова. Его привлекли к подготовке реформ по управлению Сибирью, а мятежники хотели назначить правителем дел будущего правительства. После бунта 1825 г. Батенькова на двадцать лет заключили в одиночную камеру (единственный декабрист, с которым так обошлись), а после сослали в Томск, где он написал труды по истории и экономике Сибири.

В стихотворении «Раздумье» (1854) он отвечал друзьям:

Что ж, я ведь, с вашего согласия,
Седого Севера дитя.
И в том богатство вижу я,
В чём вы – тоску единобразья.
Так пусть меня объёмлет ширь
Твоя, красавица-Сибирь!

В отличие от поэтов, которые следовали римлянину Горацию и говорили о своём духовном памятнике, оставленном потомству, Батеньков считал, что «не воздвиг себе монумент» – «Non exegi monumentum» (1856):

Узнают обо мне в России необъятной
Лишь те безумцы, чей мне сродствен странный дух.
Ни славой, ни молвой стоустой и превратной
Не отзовется вдруг прошелестевший слух.
О чём сей слух? О том, что в сумрачной Сибири,
Влача свой долгий век, я истину искал,
Что был я одинок, но счастлив в этом мире,
И в дни душевных гроз стихи свои слагал.

Батеньков прекрасно понимал, что сибирякам присуще сознание себя как народа, отличного от россиян. «Своя здесь мысль. Своё – одно – здесь чувство...» – заметил он в стихотворении «Надежда» (1846), но в 1856 г., после амнистии, Сибирь покинул.

Одиночные соображения об исторической роли Сибири и необходимости обрести опору в самосознании становились к 1850-м гг. достоянием уже весьма широкого круга интеллектуалов. Так, М.А. Александров, скончавшийся в Иркутске, не был сибиряком, считал себя «поэтом-эмигрантом», но остро ощущал потребности края и в записке о необходимости местной прессы заявил, что «наша колоссальная Сибирь созрела для любви к мысли и глаголу и сама желает мыслить и говорить о самой себе». В поэме «Якут Манчары» (1852) о борьбе якутов против купцов и чиновников он обратился к Якутии:

Ты, спящее тревожной жизни море,
Пробудишься ль? Пробудишься и вскоре!

«Сибирским баяном» называл себя ачинский уроженец, племянник знаменитого поэта Дениса Давыдова, поэт Дмитрий Павлович Давыдов (1811–1888). В стихотворении «Сибирский поэт» (1858) он с удовольствием вспоминал, как

В тайге, в снегу, я на берёсте смело,
С окрепшею от холода рукой,
Писал стихи талинкой обгорелой...

Он работал педагогом в городах Восточной Сибири, занимался археологией и метеорологией, знал местные языки – бурятский, монгольский, якутский и составил якутско-русский словарь. Судьба жестоко преследовала этого талантливого человека: многие его сочинения погибли во время пожара в Якут-

ске, в 1861 г. Давыдов ослеп, отосланное в Варшаву собрание фольклорных записей сгорело, затем в Иркутске во время наводнения пропали рукописи, а позже уничтожение остального довершил пожар.

Стихотворение Давыдова «Думы беглеца на Байкале» («Славное море. привольный Байкал...», 1858) стало народной песней, но из одиннадцати строф память потомства сохранила пять. Стихи Давыдова хороши простым и искренним выражением любви к своей отчизне: в них он перелагал поверья и предания аборигенов, широко использовал местные речения и прекрасно воспроизводил здешний быт.

Д.П. Давыдов и Н.М. Ядринцев ужасались выдумкам российских писателей о Сибири. Они, по словам Н.М. Ядринцева, бездарно «изображают из себя Фениморов Куперов», а их сочинения населяют «злодеи, скопированные с французских романов», и сибиряки там «чай с луком и кровью пьют, человеческие жертвы приносят...».

Постепенно, во второй половине XIX в., занимательность сюжета отходила на второй план и уступала место идеологической стороне произведения. Зачастую это опять-таки оборачивалось подражанием столичной, тенденциозно обличительной литературе.

Иннокентий Васильевич Омuleвский (настоящая фамилия Фёдоров; 1836–1883), родившийся в Петропавловске-Камчатском, живший в Иркутске и затем осевший в Петербурге, писал стихи о Сибири, в которых уповал на счастливое будущее отчизны, восхищался её природой и в общих чертах обличал государственные порядки, например:

На дальней родине моей
Обычный звук был звук цепей...
Не помню я такого дня,
Чтоб не звучал он для меня (1883).

Зачастую это оставалось декларациями среди декораций, на которых значится слово «Сибирь». Так, в стихотворении «Близ границ Монголии» (1882) молящийся монгол «пал перед чем-то на колени», – соответственно и Сибирь, где «груды всякого добра», тоже осталась «чем-то».

Среди писателей Сибири второй половины XIX столетия Омuleвский наиболее известен благодаря «роману о новых людях» «Шаг за шагом» (1870), но и в этом произведении Сибирь, за исключением вставного эпизода о встрече с медведем, не ощущалась. Желая показать в Александре Светлове пример идейно ему близкой личности, Омuleвский потерпел неудачу, эскизно изобразив статичный образ якобы гармоничного человека. Зато оказалось чётко прописанным то, о чём писатель отнюдь не собирался говорить – характерность отрыва молодёжи от родимой почвы. «Новые люди» радуются: «Счастье, брат, наше с тобой, что мы вовремя выкарабкались отсюда...», а главный пропагандист под напев колокольчиков: «Там-то, дальше, как-то лучше», – вовсе уезжает из отчизны в Швейцарию, бросив в бедной семье своего ребёнка и увозя с собой чужую жену как следствие «идейного» освобождения женщины. Омuleвский не стал подлинным сибирским писателем даже благодаря своей наблюдательности, очевидной по его очеркам: то, что он описывал, могло происходить в любом уголке России.

Уроженец Ачинска прозаик И.А. Кушевский (1847–1876), окончив томскую гимназию, тоже направил свои стопы в столицу, но в романе «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1871) использовал томский материал с принципиальным удалением каких-либо сибирских реалий: Кушевский хотел написать о губернском городе как таковом и в своих персонажах дать образы, характерные для молодого поколения 1860-х гг. В основу сюжета положена проблема самоопределения людей, вступающих в жизнь и принимающих или отторгающих её социальные порядки.

Уроженец Тобольской губернии краевед и прозаик *Михаил Степанович Знаменский* (1833–1892) более прославился как художник – в особенности, когда, служив учителем рисования в Тобольске и Мариинске, посылал свои карикатуры в сатирический журнал «Искра». Ему принадлежат и серии пародийных иллюстраций к романам Л.Н. Толстого («Война и мир») и И.А. Гончарова («Обрыв»).

В повести «Исчезнувшие люди» (1872) он дал психологически точные портреты знакомых ему декабристов И.Д. Якушкина, М.И. Муравьёва-Апостола, В.К. Тизенгаузена, но согласно типич-

зации, принятой в народнической литературе, прочих персонажей описывал в чёрно-белых тонах, где богатый выглядел плохим, а бедный хорошим.

Крупнейший сибирский учёный (гуманитарий и естествовед), общественный деятель *Григорий Николаевич Потанин* оставил небольшое беллетристическое наследие, но именно он сформулировал проблему сибирской литературы, которая непременно должна исходить из местного самосознания.

Родившийся в 1835 г. в станице под Павлодаром, он покинул казачью службу в чине сотника (поручика по общевоинскому положению) и уехал учиться в Петербург, однако затем возвратился в Сибирь и занялся здесь научной работой. С 1865 по 1874 г. он был лишён свободы как якобы замышлявший отделить Сибирь от России. Последующие годы принесли ему славу исследователя труднодоступных районов Монголии, Китая и Тибета. В декабре 1917-го его избрали председателем Временного сибирского областного совета, каковые полномочия Потанин с себя сложил из-за большевистского противодействия его политике. Скончался он в 1920 году.

Пытаясь создать произведение, которое отвечало бы на существенные вопросы сибирской жизни («Тайжане», 1872), Потанин потерпел неудачу. Он хотел изобразить юношу, ищущего жизненную правду и уезжающего учиться в столицу, а в эпилоге подразумевалось, что герой вернётся, обогатённый знаниями, на службу отчизне. Позже в рассказах «Блудный сын» (1878) и «Из переписки молодых друзей» (1882) Потанин печально отметил, что духовная оторванность от родной земли несёт с собой ощущение собственной ненужности. Отсутствие возможностей получить высшее образование в Сибири (до 1888 года здесь не было университета) вынуждало или покидать край навсегда, или же – как часто случалось – человек возвращался назад с привитыми ему убеждениями столичного жителя и относился к нуждам своей провинции свысока. При отсутствии устойчивой местной интеллигенции ратовать за своеобразие литературного самовыражения Сибири было сложно.

Николай Михайлович Ядринцев, родившийся в 1842 г. в Омске и проведший детство в Тобольске и Томске, являлся ближайшим другом Г.Н. Потанина. По делу о сибирском сепаратизме он

1865–1873 гг. провёл в тюрьме и ссылке, а с 1882 г. взялся за издание газеты «Восточное обозрение». Ему принадлежит и археологическое открытие столицы Чингисхана Каракорум. «В Сибири родился писатель, но нет литературы», – считал он и хотел помочь её становлению.

Н. Ядринцев

В стихотворении «Родина» (1872) он утверждал,

Что великою судьбою
Начинает уже веять
Над моим далёким краем,
Над землёй моей родною!

В Сибири же господствовал централистский взгляд на местные проблемы, а не областнический, и Ядринцев ощущал себя проповедующим в пустыне. В стихотворении «Пельмень» (1873) он сравнил Сибирь с пельменем, который поедает россияне, не позвав сибиряков. Наибольших успехов он достиг в переложении инородческих песен – теленгитской «Мырат-пи» и казахской «Киргиз и казак» (обе 1873), но сам не обладал высоким поэтическим талантом и в повести «На чужой стороне (Из нравов поселенцев в Сибири)» (1885) использовал всё-таки привычную стороннюю точку зрения на сибирский мир.

В своё время одним из лучших писателей-народников справедливо считался **Николай Иванович Наумов** (1838–1901). Он родился в Тобольске и провёл детство в Омске и Томске, тоже подолгу жил в Петербурге, но вернулся на родину и на последние семнадцать лет обосновался в Сибири, где служил чиновником по крестьянским делам.

Н. Наумов

Прекрасно чувствуя живой народный язык, Наумов изображал конфликты в диалогах. Сочувственно и с фактографической точностью он воспроизвёл типичные взаимосвязи между деревенскими богатеями и беднотой, их психологию и социальные градации. Достоверность описаний он подчёркивал уже в подзаголовках – «сцены», «очерки». Замечательный очеркист, он стремился показать наиболее характерные черты бытовых отношений, и это привело к серьёзному художественному недостатку – схематичности.

После оптимистически названной книги «Сила солому ломит» (1874) Наумов стал более печально смотреть на настоящее и будущее: об этом свидетельствуют названия его сборников «В тихом омуте» (1881), «В забытом краю» (1882). Основная установка Наумова может быть выражена фразой из повести «Паутина» (1880): «Нешто так должен жить человек!» – любой – и живущий не по совести, и тот несчастный, кого «среда заела».

Революционеры 1870-х гг. использовали его сочинения как иллюстрации к пропаганде социализма, а марксист Г.В. Плеханов дал по Наумову набросок развития социально-экономических от-

ношений в сибирской деревне. Честное изображение реальных дел взывало к радикальному преобразению этого мира, тогда как, например, в произведениях И.В. Оммулевского, М.С. Знаменского, В.М. Михеева положительная деятельность героев, которые могут якобы повести за собой, не простирается дальше строительства какой-либо школы.

Немалая лепта в изображении местной жизни принадлежит невольным и временным поселенцам Сибири, сосланным сюда за противоправительственные настроения. Например, В.Г. Короленко дал верную обрисовку сибирского характера, и про его рассказ «Сон Макара» (1883) об объякутившемся русском мужике Г.Н. Потанин заявил даже, что это «такой же многозначный рассказ для крестьянской Сибири, как гончаровский “Сон Обломова” для дворянской России». Поляк В.Л. Серошевский и В.Г. Богораз (псевдоним Н.А. Тан) этнографически точно отобрали быт и психологию аборигенов Восточной Сибири. Талантливые российские писатели устанавливали необходимую планку мастерства, но наряду с этим появлялись и поверхностные фельетонные романы вроде «Не столь отдаленных мест» К.М. Станюковича и продолжал бытовать сторонний взгляд на Сибирь как край каторги и несчастья.

Весь XIX в. сохраняла сильнейшее влияние очерковая проза. Ввиду этнографического отношения к сибирской реальности возникали документальные повествования с художественными элементами или беллетристика со ссылками на абсолютную правдивость обстоятельств. Помимо этого, публицистический тон во многом был вызван демократической литературой, которая по обыкновению шла к решению проблем прямолинейно и дидактично. Однако воздействие печатного слова на общество оказалось весьма сильным: литература Сибири XIX в. подготовила почву для выражения здешнего самосознания.

XX век

Литературная история региона интересна, если в ней проявилась оригинальная художественная школа. Критики допотанинского круга задавали один вопрос: кто в этой провинции похож

на столичное «светило», кто «сибирский Карамзин», а кто «сибирский Гончаров». Тем самым стимулировалась художественная вторичность. Каков вес Сибири в культурной жизни мира: обречена ли она остаться глухой провинцией или способна на большее – этот вопрос выдвинулся в число важнейших на грани веков. В начале XX в. крупные сибирские города пестротой изданий повторяли столичные образцы, с другой стороны, уже поставлен был вопрос о возможности «настоящей сибирской литературы». Оригинальная проза, подчинённая культурному заданию Сибири, появилась на грани XIX и XX вв., когда начались дискуссии о путях литературы в Зауралье.

Предреволюционное десятилетие – первая фаза самоопределения собственно сибирской художественной литературы. В начале XX в. итоги литературного развития подводили литераторы разных направлений. С современной точки зрения, интересна статья П. Головачёва «Прошлое и настоящее сибирской печати» (1903), в 20-е гг. создана книга С. Сватикова «Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества)». Здесь высказано евразийское понимание искусства: велико значение *месторазвития* – климата и почвенных традиций. Областники впервые внятно выразили мысль: значительных, оригинальных художников слова в Сибири ещё нет, но они необходимы для самовыражения края. В этой среде уже профессионально формировались В. Шишков, А. Новосёлов, Г. Гребенщиков, П. Казанский, В. Бахметьев.

Один из первых преемников Потанина в литературе – *Александр Ефремович Новосёлов* (1884 -1918), литератор, не успевший достичь писательской зрелости. Особый интерес проявил он к быту старообрядцев, совершил несколько путешествий по местам расселения староверов на Алтае и за статьи на эту тему («У старообрядцев Алтая», «Умирающая старина», «Алтайские этюды») принят был в Русское географическое общество. Из разрозненных очерков составила книга «Лицо моей родины» (опубликована посмертно). Особенно подчеркивал прозаик стойкость староверов, замкнутость и обречённость их мира.

Г. Н. Потанин советовал писателям-сибирякам опираться на этнографию, в чём видна народническая установка. Этнограф – наблюдатель со стороны, а писатель смотрит глазами земляков, он – голос края, субэтноса. В повести «Беловодье» (1917) Ново-

сёлов использовал внешнюю и внутреннюю точку зрения (самосознание староверов), соединил утопию-легенду с мотивом вражды, социальных пороков. Мир кержаков, искателей легендарной чистой земли, для автора – напоминание о причинах движения русских в Сибирь. Кержак-старовер остался для Новосёлова, областного второго поколения, показателем нравственной нормы, а тема мести и побега связана с образом «бергала» (горнорабочего). Движение к райски безгрешному Беловодью сопровождается чередой убийств. Характеры и мотивация похода у героев повести различны: одни (Панфил) ищут святую землю, другие (Хрисанф) – вольное житьё без власти. Как выглядит Беловодье, рассказал ещё юному Панфилу его отец Панкрат, клятвой обязавший сына продолжать поиски: «Всё по старой вере. Народ русский зашёл, стало быть, с царя Константина». У Хрисанфа рассказ о чистой земле вызывает усмешку: «мне к монастырю не по дороге»; «Там покорство переее всего». Житейские конфликты – причина недосягаемости блаженного Беловодья. Назад возвращаются те, кто захотел просто выжить: люди не готовы стать жителями свободной и безгрешной страны, ибо несут в себе тёмные страсти. Все герои, крестьяне-старожила, одержимы одним порывом, однако ситуация выбора сделала их врагами. Революция подтвердила опасения Новосёлова.

А. Новосёлов

В разлив гражданской войны, накануне колчаковского переворота, он был убит в Омске. Очерковая книга «Лицо моей родины», опубликованная в 80-е гг., содержит много перспективных

тем и вопросов, не решенных и поныне.

Наиболее полно областническую литературную программу воплотил **Георгий Дмитриевич Гребенщиков** (1884 –1964), создавший первый панорамный сибирский роман. Своё главное произведение, региональную эпопею «Чураевы», он писал на переломе эпох. Предреволюционный двухтомник «В просторах Сибири» представил картины нравов и образ необычайно богатой земли. Драматизм развязок в рассказах и повестях «Волчья жизнь», «Любава», «Ханство Батырбека» заставил критиков говорить о «жестоким таланте». Гребенщиков, дальние предки которого – алтайцы, выделился особым интересом к жизни аборигенов.

Из-за крайней бедности будущий писатель (место рождения его – Рудный Алтай) не смог закончить даже начальную школу. Уже став писателем, Гребенщиков прожил два лета в Горном Алтае среди староверов, результат наблюдений – очерки «Река Уба и убинские люди» и «Алтайская Русь». Из этих заметок стал лепиться сюжет романа о судьбе братьев-кержаков. В 20-е гг. прозаик составил план *двенадцатитомного* романа-хроники, при его жизни опубликовано семь томов (восьмой и фрагменты девятого остались в наборе). Во время гражданской войны он покинул Россию. В Париже издано было шеститомное собрание сочинений Гребенщикова, а в 1924 г., при содействии Н. Рериха, он уехал в Америку.

Сюжетная основа многотомного романа – мотивы греха и воздаяния, возвращения блудного сына. Г. Потанин отмечал: «Роман из жизни интеллигентных людей в Сибири не имеет до настоящего времени необходимой для него почвы <...> попытки создать его неизбежно будут неудачны». Василий Чураев, интеллигент из крестьян-староверов, испытывается соблазнами эпохи безверия. Идиллия и смута – основные темы романа, руссоистские идеи перемежаются в нём с богоискательскими. Став виновником смерти отца, Василий вступил в смертельную вражду с братом Викулом («Братья»), участвовал в экспедиции на Восток («Спуск в долину»), толстовский порыв к опрощению, к крестьянской жизни – основа третьего романа («Веления земли»), война – романы «Трубный глас», «Сто племен с единым», разлив мировой войны и начало великой смуты – «Океан багряный», «Лобзание змия». Это жанрово многогранное произведение: семейный ро-

ман перерастает в областную эпопею, историческая хроника – в философский роман. Сцены массового озверения потрясают, но космизм снимает чувство безысходности, остаётся надежда на возврат к нормальной жизни. Окончательно вернуться к родному пепелищу герою не суждено: не стало ни дома, ни прежней Сибири. Через два поколения В. Шукшин, В. Астафьев и В. Распутин будут варьировать образ-символ блудного сына для создания типа антигероя и героя с трагической судьбой. Традиционный областной роман начинается с идиллии и строится как разрушение природного и общественного лада. В «Чураевых» усилен мотив родового греха. За преступления отцов рассчитываются каторгой и Ерёмка-мясник, и Викул, и Василий. Роман не закончен, и, тем не менее, перед нами завершённая панорама Сибири: «Широка и необъятна сибирская земля, так широка и так необъятна, что не пришёл ещё певец, чтобы воспеть её и изобразить её величие».

Сюжетная основа романа-сказания «Былина о Микуле Буяновиче» – путь героя от крестьянина к атаману разбойничьей ватаги и к страннику - искателю Бога. «Былина о Микуле Буяновиче» позволяет догадываться, каким виделся автору финал его большого романа: это возвращение к земле и храму. «Чураевы» – одна из вершин региональной эпопеи, в контекст эмигрантской литературы он вписался как раздумье о России в целом.

Г. Гребеницков

Писатель не упускал из виду мысль о будущем Сибири: на неё возлагается миссия спасения заблудшего человечества. Книга

«Моя Сибирь» в главном – программа преобразования Сибири: «проклятая страна изгнаний, каторги и стонов скоро превратится в благословенную обитель, куда откроется паломничество со всех частей света...». Основные идеи книги – духовно-строительные. Оставив большой роман незаконченным, Гребенщиков в последнее десятилетие жизни писал лирико-исповедальную повесть «Егоркина жизнь», ставшую предтечей т. н. деревенской прозы. Это своего рода энциклопедия крестьянских ремёсел, поэзия труда на земле и описание горькой, безысходной нищеты. В главном повесть посвящена познанию русского народа: «Какое у народа сердце, какова душа его? Не всякий даже искренне кающийся раскроет душу и сердце. Никто, нигде не разглядел во всём величии народа от земли. Никто не разгадал». В творчестве эмигрантов усилен мотив оборванной идиллии, но теплится надежда на восстановление жизненной нормы, узнаются отголоски утопии руссоистского типа. Итак, Гребенщиков первым классически воплотил миропонимание сибиряка, взгляд на историю и широкий мир из Северной Азии.

Арсений Несмелов (1889–1945, настоящая фамилия Митропольский) – поэт «первой волны» эмиграции, самый значительный литератор русского культурного центра в Харбине. В эмиграции образовались три центра сибиряков-эмигрантов: Чехословакия, США, Китай. Журнал «Рубеж», в котором Несмелов был ведущей фигурой, – одно из замечательных явлений русского зарубежья. Участник Первой мировой войны (это тема его сборника «Военные странички», выпущенного в Москве в 1915 г.), в Гражданскую войну с боями он прошёл всю Сибирь, видел крушение последней ставки – буферной республики с центром во Владивостоке. Творческое самоопределение поэта-офицера завершилось во Владивостоке, об этом говорят сборники «Стихи» (1921), «Уступы» (1924). Во Владивостоке создана поэма «Тихвин» (1922), одно из наиболее ярких акмеистических произведений А. Несмелова. В ранних стихах А. Несмелова есть и символистское неприятие тёмного мира, читатель понимает это как отвращение к смуте. Услыв мотив трагического избранничества, офицер-патриот обозначил свою позицию: «Даже гибель и та чудесна, / И напрасен тревоги вой: / Погибая, я стану песней, / Поднимающей, заревой».

Шансов победить красных не было, в центре образ отвергнутого избранника. Бизон-оборотень – таким видит Несмелов «гения революции» В. Маяковского («Оборотень»). Важен фон, на котором создан этот портрет: планета, вставшая на дыбы, уходит во тьму. Особенно заметно влияние Н. Гумилева. Ему поэт-эмигрант посвятил несколько стихотворений: «Прекрасен грозный образ Гумилёва! Как Лермонтов, он тоже офицер. А вы теперь наказаны сурово, Вы, сеятели басен и химер!». Вперекор миру, рухнувшему в хаос и безумие, поэт-традиционалист хранит верность высокому искусству.

Двадцать лет, с 1925 г. по 1945-й, поэт прожил в Харбине. Этот город, выстроенный русскими перед революцией, стал центром сибирской эмиграции на востоке. Стихотворение «Потомку» – обращение к потомкам победителей, проигравших себя:

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш.
Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому, что в плен тогда не брали...

В начале харбинского периода А. Несмелов написал публицистические стихотворения и поэму «Декабристы». В стихотворении «Аккумулятор класса» офицер-колчаковец создал образ Ленина, в котором подчёркнуто разрушительное начало: он беспощаден к врагу, а враг его – весь мир. Это отклик на мифологизацию вождя в советской «лениниане».

Сборник «Кровавый отблеск» (Харбин, 1928) – первая книга, изданная А. Несмеловым в эмиграции. Если раньше поэт уходил от прямого изображения гражданской войны, то теперь она выходит на первый план, укрупняются образы побеждённых, но духовно правых. Даже исторические поэмы подчинены этому заданию. Даже об участии друга-офицера, не пережившего позора родины, от нищеты и безысходности покончившего самоубийством, поэт говорит в героическом ритме: «Но клинок не выбили/ Из беспутных рук./ По дорогам гибели/ Мы гуляли, друг./ Раскалённый до

бела/ Отзвенел песок./ Видно, время пробило/ Раздробить висок» («Ловкий ты...»). Боевые соратники – это реальные люди, «отважные и беспутные, рожденные в восемнадцатом году». Символ отошедшего – заржавевший броневик, участник отчаянных боёв обречённой армии. Поэт укрупнил мотив рока, обреченности на муки: «Жребий вынут, путь навеки дан»; «Горя мы великого избранники».

Характерное эмигрантское звучание получил сборник «Без России» (Харбин, 1932). Главной, почти единственной темой в нём стала потерянная родина. Для разностороннего изображения её поэт обращается к событиям как отдаленной русской истории (протопоп Аввакум, Пугачев, Екатерина II, Николай I, декабристы), так и ближайшей: сопротивление московских юнкеров в 1917 году, расстрел царской семьи. Поэт рано осознал миссию белой эмиграции. Ностальгия, возникающая уже при пересечении границы, не оставляет его ни на один день: «Но стучат и стучат стихи/ Так мучительны и легки/ Об одном, об одном, об одном./ Не Россия ли за окном?» («Разве жизнь бывает тесна...»). Автор осмысляет исчезновение прежней России как катастрофу всемирного масштаба. Ключевые образы – орёл и ворон. Это отсылка к Пушкину, к легенде о вороне и орле из «Капитанской дочки»: «И человек лобастый, лицом полумонгол,/ Тяжёлое, как заступ,/ Перо на миг отвёл <...> И в вихре, налетавшем,/ Как пёс из-за угла./ Рос ворон, исклевавший/ Двуглавого орла» («Две тени»). К проблеме национального характера Несмелов обратился в поэмах «Тихвин», «Восстание», «Протопопица» и в «Поэме о России» (1942). Россия – страна, «чьей доли нет суровой», основной тон рассказа о ней – щемящая нежность.

В последнем сборнике Несмелова – «Белая флотилия» (Харбин, 1942) – мироощущение эмигранта, навсегда отторгнутого родиной, становится трагически безысходным. Но доминирует понимание своей принадлежности к тому «русскому началу», которое обогатило мир сердечностью, открытостью и сибирским размахом. В последнем своём сборнике поэт предстал отрешённым созерцателем, размышляющим о жизни и смерти. «Белая флотилия» – это облака, символ преходящего и повторяющегося в истории. Лейтмотив этого цикла – виновность образованных

русских людей, проявивших в момент испытаний малодушие:
 «Бережём мы к убийцам злобу./ Чтобы собственный грех загас./
 Но заслали царя в трущобу/ Не при всех ли. увы, при нас?..».

В стихотворении «В Нижнеудинске» создан портрет Колчака. Лирический герой видит адмирала в тягчайший миг его жизни, когда чехи предательски усадили его в вагон, договорившись с красными о сдаче верховного главнокомандующего: «Уста, уже без капли крови, / Сурово сжатые уста... / Глаза, надломленные брови. / И между них – его черта – / Та складка боли, напряженья, / В которой роковое есть.../ Рука сама пришла в движенье, / И, проходя, я отдал честь... / .../ И тормоза прогрохотали, / – Лязг приближался. пролетел. / Умчали чехи Адмирала / В Иркутск – на пытку, на расстрел». Даже в унижении Колчак сохранил достоинство офицера и преданность родине. Второй по силе и романтической экспрессии образ – барон Унгерн, объявивший себя новым Буддой, чтобы поднять монголов на красных комиссаров. «Я слышал: / В монгольских унылых улусах, / Ребёнка качая при дымном огне, / Раскосая женщина в кольцах и бусах / Поёт о бароне на чёрном коне... И будто бы в дни, когда в яростной злобе / Шевелится буря в горячем песке, – Огромный, он мчит над пустынею Гоби / И ворон сидит у него на плече» («Баллада о даурском бароне»).

Поэт предчувствовал тайну своей смерти: ведь, пройдя все круги, он был расстрелян, как и Гумилёв. Он знал это заранее:

Сколько раз они меня заставят
 Жизнь мою трести-перетряхать.
 И уйдут. И одного оставят,
 А потом, как червяка, раздавят
 Тысячепудовым *рас-стре-лять...*
 И без жалоб, судорог, молений,
 Не взглянув на злые ваши лбы,
 Я умру, прошедший все ступени,
 Все обвалы наших поражений
 Но не убежавший от борьбы.

С приходом советских войск в Китай русские эмигранты были подвергнуты аресту: участников гражданской войны расстреляли, а не участвовавшие в ней получили, в сущности, пожизненные

приговоры: 25 лет лагерей строгого режима, 20 лет ссылки и 5 лет поражения в правах. Наследие Арсения Несмелова – классика русской литературы Зауралья. Его стоицизм сродни мироощущению французских экзистенциалистов: «Как говорит внимательный анализ, / За четверть века беженской судьбы / (Не без печали и не без борьбы) / От многого мы всё же отказались. / Но веру нашу свято мы храним, / Мы прадедовский бережём обычай, / И мы потерь не сделаем добычей / То, что считаем русским и своим».

В Харбинском центре эмиграции сибирская картина мира существенно дополнена поэтом Алексеем Ачаиrom. Его поэма «Казачи» – пожалуй, самое крупное стихотворное произведение с трагико-героическим пафосом, посвящённое обречённым воинам, не отступившим перед неизмеримо превосходившим противником. Исход XX в. доказал духовную правоту эмигрантов. Судьба Ачаира по-своему жестока: арестованный в Харбине, он жил в ссылке и умер никому не известным бухгалтером в Новосибирске. Среди книг о прошлом Сибири внимания заслуживает написанный в Китае роман «Чёрные люди» Всеволода Никаноровича Иванова.

Вячеслав Шишков (1873–1945) – исследователь Сибири и прозаик реалистического направления, автор «народного романа» о Сибири, выдержавшего множество изданий. Литературный дебют его состоялся в созданной Г. Потаниным группе «Молодая Сибирь», первые публикации в газете «Сибирская жизнь»: «На Лене», «С берегов Нижней Тунгуски» и др. В рассказах о жизни аборигенов («Суд скорый», «Краля», «Чуйские были», «Помолились», «Страшный кам») драматические ситуации перемежаются юмористическими. Первый сборник рассказов «Сибирский сказ» (1917) говорит о близости Шишкова к школе Ремизова. Традиция сказа видна в цикле «Чуйские были», есть стилизация («Колдовской цветок»).

Жанровые и стилевые поиски 10-х годов – всё это сказалось в повести «Тайга» (1916): бытописание и романтическое укрупнение образов, картины дремотной таежной жизни и зверств, мотив общей преступности и «очистительного» лесного пожара.

В. Шишков

В финале повести «Тайга» – возглас: «Русь, веруй! Огнём очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена...». Если картина лесного пожара, которой заканчивается «Тайга», устрашает и обещает обновление жизни, то в романе «Ватага» (1923) символов очищения и преобразования нет. Критики говорили о влиянии символистской прозы на этот роман. В «Ватаге» автор сочетает неоромантический принцип с натуралистическим изображением гражданской войны. Материал, положенный в основу сюжета, – т.н. «роговщина», зелёно-красная партизанщина, прокатившаяся по территории Томской губернии. Роговцы убивали почти всё мужское население городов, насиловали женщин, жгли церкви и богатые дома. Контрастность, гиперболизация, балладно-сказочное повествование – это черты романтического стиля в романе; звериное в человеке, страшные крайности в поведении партизан – это от натурализма. Наивность и жестокость позднее автор осмыслил как «форму пугачевщины». Зыков творит самодельный апокалипсис – кержацкое возмездие неправому миру. «Ватага» вписывается в контекст ранней советской прозы о гражданской войне мотивами стихийности революции, «идиотизма деревенской жизни». В 20-е гг. шли споры о романе, резко отрицательными были отзывы Д. Фурманова и Ю. Тынянова. В. Зазубрин, изучивший действия роговского отряда в Кузнецке, отзывался о романе положительно. Несомненно влияние «роговщины» на замысел романа о Пугачёвском восстании.

В шишковской «Ватаге» и «Былине о Микуле Буяновиче» Гребенщикова есть явные мотивные переклички. Зыков, дошедший до крайнего озверения партизанский командир и в равной степени атаман разбойничьей банды, погиб в горном Алтае. И герой Гребенщикова Микулка, превратившийся в атамана Лихого, сгорел в огненной русской смуте, но возродился в образе слепого странника, ищущего храм. Прозаики, начинавшие как ученики Потанина, одинаково увидели причины ожесточения сибиряка в гражданской войне. Однако никакой героизации «окаянных дней» у Гребенщикова нет.

Замысел романа «Угрюм-река» (1933) сложился из воспоминаний об экспедиции на Нижнюю Тунгуску, где была записана песня «Ай же матушка ты Угрюм-река», повлияли также томские впечатления, рассказы о семьях предпринимателей, о «золотой лихорадке» в Сибири. В раздумьях о техническом прогрессе и опустошении Сибири можно различить последние отзвуки областничества. До начала работы над романом написаны рассказы, мотивы которых перешли в роман: «Та сторона», «Суд скорый», «Кралья», «Каторжник». Заметно влияние М. Горького: «Угрюм-река» повторяет сюжетную схему романа «Дело Артамоновых» – душевное опустошение трёх поколений предпринимателей.

Богатство Громовых начинается с душегубства деда Данилы, в молодости промышлявшего разбоем на трактах. Жестокостью отличается и Пётр, отправивший сына Прохора в гибельное плавание, чтобы устранить его как соперника. Замурованный в доме умалишённых, он мечтает об одном: «...когда час придёт, выпущу когти и сожру Прошку, как мыша, с костями проглочу». По определению самого автора, это «роман страстей». Он использовал древний мотив соперничества отца и сына из-за женщины. Красавица Анфиса наделена чертами романтического демонизма, как и Прохор, она безудержна в своих чувствах. В образе Ибрагим-оглы, бывшего каторжника, воплотились мотивы песен о справедливом и несчастном разбойнике.

Идея обреченности самоцельного приобретательства стала основой образа центрального героя – Прохора Громова. Это человек сильной страсти, с огромным самолюбием и волей к победе. Шишков избежал схематической однозначности в изображении хищника-накопителя. Юный Прохор хочет покончить со спячкой

Угрюм-реки. разбудить глухомань, клянется устранить страшное неравенство: «Загублю жизнь в дело, оставлю потомству плоды рук своих». Однако он быстро убедился, что большие капиталы добываются большими преступлениями, и дальше не останавливался перед моральными запретами. Он засадил отца в «жёлтый дом», убил возлюбленную, спасителя своего, Ибрагима, отправил на каторгу, он повинен во многих преступлениях. В финале, в приступах белой горячки, Прохор прокликает чрево матери и, наконец, уничтожает себя, шагнув со скалы.

Созданная Шишковым «сибирская сага» свидетельствовала о влюблённости автора в природу и людей края. Неодолимость стихии-жизни ассоциируется с течением Угрюм-реки. В основе романа – композиция и система характеров областной эпопеи. Персонажи, на первый взгляд антиподы, поставлены в ситуации, сближающие их: Прохор и уголовник Филька Шкворень, Анфиса и фальшивая народолюбка Нина, мыслящий инженер Протасов и комичный «просвещенец» Илья Сохатых, Данила Громов и Ибрагим-оглы, Петр Громов и ссыльный Шапошников. Нравописание – ведущее начало романа; сибирский характер, по Шишкову, – это преобладание стихийно-природного в человеке. Широкого читателя роман привлёк образом Сибири, раздумьями о цене прогресса.

Роман «Угрюм-река» создавался в трудные годы – 20-е – начало 30-х. В Сибири советская литература начиналась с отторжения областничества, даже слабый отголосок его оценивался как выпад врага. В сибирской критике роман встретил яростное противодействие группы «Настоящее», а в центре последовали отрицательные отзывы М. Горького, К. Федина и других. Но популярность этого произведения, выдержавшего множество изданий, убеждает, что Шишков создал народный роман. В конце жизни он писал: «Я хотя и ушёл из Сибири, но думами, мыслями всегда был с нею. Ведь в Томске я прожил целых двадцать лет, лучшие годы своей жизни. И побывал во многих её местах – от Якутска, Нижней Тунгуски до озера Нор-Зайсан».

Первые шаги советской литературы в Сибири связаны с творчеством Владимира Зазубрина, Всеволода Иванова и Лидии Сейфуллиной. В ранней советской прозе о гражданской войне соединились евразийские и регионалистские тенденции. Исчезновение

антиномии Сибирь – Центр в советской литературе сказалось в вытеснении консервативной утопии прогрессистской мыслью.

Владимир Зазубрин (1895–1938, настоящая фамилия Зубцов) – первый председатель Союза сибирских писателей, участник гражданской войны с обеих сторон. Он прошёл большевистское подполье и учёбу в юнкерском училище, был мобилизован в колчаковскую армию и перешёл со своим взводом на сторону красных (в 1919 году); работал редактором газеты «Красный стрелок», в которой и начал публикацию фрагментов романа «Два мира». Этот роман, первый советский, имел 12 прижизненных изданий (до 1936), хотя позднее сам автор оценил его скептически. Плакатно-разоблачительное изображение карателей-колчаковцев, отсутствие психологической индивидуализации в массовых сценах говорят о преобладании публицистики.

В 1923 г. Зазубрин создал второе произведение о терроре, на сей раз о красном. Но редакция «Сибирских огней» большинством голосов воспротивилась печатанию. После доработки повесть «Щепка» была отправлена в Москву, где и была найдена в архиве (опубликована в 1989 г.). Автор изобразил будни «чрезвычайки», повседневную работу расстрельных команд уже по окончании боёв, дал читателю картину расправы над образованной частью населения. Подробно изображены приговорённые к казни, исполнители её, сам ход расстрела. С одной стороны, «Щепка» – натуралистическое отражение массовых ночных расстрелов, с другой – заметно влияние манеры Леонида Андреева. Ужасы красного террора стали повседневностью, стёрта грань между кошмаром и явью. Есть исполнители-автоматы, среди них выделяется вчерашний крестьянин Ефим Соломин, поучающий, как легче «побойку делать», чтоб скотина не металась и не мешала «делом заниматься».

Основа сюжета – судьба Срубова, интеллигентного чекиста, принесшего в жертву революции самое дорогое, в том числе жизнь отца и семью, обреченность человека в разлив террора. В сознании этого рефлектирующего героя, председателя чека, сменяются образы революции. Первый – «любовница, прекрасная и жестокая», «для нее убийство – радость»; «Ей необходимо только заставить убивать одних, приказать умирать другим. И чекисты, и Срубов, и приговорённые одинаково были ничтожными пеш-

ками, маленькими винтиками в этом стихийном беге заводского механизма». Второй образ – «кровавый водоворот», сметающий хрупкие создания культуры. Сибиряк Срубов осознаёт, что из красного половодья, из бешеного водоворота казней вырваться нельзя. Действует принцип: заколебался – значит, стал врагом. Чекист пытается найти оправдание террора и не находит его, размышление героя о терроре приводит его к сумасшествию. Мотив загнивающей крови революции – во взаимоотношениях Срубова и Каца, бывших друзей-гимназистов. Кац – это побеждающее бесчеловечье. Революция для него – идол, требующий непрерывной крови, он, не дрогнув, ликвидирует бывшего друга, способного разгласить тайны чекистов. Палачи становятся жертвами – таков смысл финала повести: «И, израненная, окровавленная... в серокрасных лохмотьях, во вшивой грубой рубахе, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами».

Зрелое мастерство Зазубрина проявилось в романе «Горы», оставшемся незаконченным. В 1936 г. было опубликовано начало большого полотна о последствиях гражданской войны. Благодаря широкому временному охвату (в ретроспекции) это произведение может быть отнесено к типу региональной эпопеи. Композиционная основа романа – перемежение сцен настоящего (картин Горного Алтая начала коллективизации) и прошлого – гражданской войны и предвоенной жизни. Герой романа, Иван Безуглый, командовавший красным отрядом, был тяжело ранен и спасён пасечником, в конце 20-х гг. причисленным к кулакам. Андрон Морев, охотник и пчеловод, – сильная и привлекательная фигура. Безуглый чужд предательства, в рядах коммунистов он оказался не случайно, но и он борется с сомнениями, подавляет в себе чувство протеста. В финале он преследует своего спасителя, прекрасно знающего горы.

В последний раз, частично и косвенно, областническое видение ситуации сказалось в выступлении В. Зазубрина в 1926 г. Он отметил, что сибирский роман ещё не создан, но сибирская литература «была, есть и будет»: «Нам скажут, что мы областники. Да, областники, но в лучшем, высоком смысле этого слова. Областники потому, что любим, стараемся познать свою страну. Мы не хотим походить на Иванов не помнящих, мы хотим быть детьми

Сибири». Но интернационалисты пытались похоронить память о «местном патриотизме», и Зазубрин был объявлен «врагом народа». Он осветил изнанку революции, её жуткую суть, ту правду, перед которой почти все спасовали и за которую честные писатели платили жизнью.

Лидия Сейфуллина – участник организации журнала «Сибирские огни», в первом номере которого была опубликована её повесть «Четыре главы». Рассказ «Правонарушители» и повесть «Перегнутой» – картины перелома жизни, в них точность изображения людей старого уклада и схематическая идеализация новых людей. Повесть «Виринея» посвящена новым веяниям в старообрядческой деревне. Вызывающая независимость поведения Виринеи на фоне кержашского быта: любовь к солдату-большевику и уход из дома мужа; её пересмотр роли женщины в глухой деревушке Агыровке («на работе скотину жалеют, а бабу – нет»). Основа сюжета – романтически-контрастная логика поведения Виринеи, инстинктивные и сознательно революционные устремления. Советские критики спорили о достоверности образа кержачки-революционерки, но исторически достоверное видели в её богоборчестве, что с современной точки зрения выглядит надуманным (ср. с ранней повестью Айтматова «Джамиля»). О прозе Сейфуллиной высоко отзывались А. Воронский и Д. Фурманов, но в этих отзывах нет внимания к сибирскому колориту её произведений.

20-е годы – время катастрофического слома традиции. Курс на ликвидацию национально-культурной идентичности вёл к расколу внутри страны уже после гражданской войны. В передовицах советских газет провозглашалась консолидация творческих сил, а на деле шла травля. Любое не сатирическое изображение прошлого объявлялось реакционным.

Павел Николаевич Васильев (1910–1937) – крупнейший из поэтов-уроженцев Сибири, художник с необычайной зоркостью к живому, чья жизнь оборвалась на взлёте. Одна из тяжелейших потерь русской литературы в XX веке – срезанные под корень побеги крестьянской поэзии. Литературная история России отмечена многими печальными судьбами, а судьба Павла Васильева – из самых трагических: ему не дали дозреть. Б. Пастернак писал о нём: «В начале тридцатых годов Павел Васильев произвёл на

меня впечатление приблизительно того же порядка, как в своё время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский. Он был сравним с ними, особенно с Есениным, творческой выразительностью... примеров которой в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы». Экспрессия, динамичный стиль сразу привлекли внимание к поэту. Любовь у Павла Васильева по-азиатски «бешеная» – «среди тифозной весны, у обросших снегами привалов, Под расстрелянным знаменем, под перекрёстным огнём». Но в лучших стихах побеждает песенная стихия, контраст горячего чувства и ледяного пространства – самое запоминающееся в его мире.

«Окрашенная сердца жаркой кровью степная песнь» – так поэт оценил свой стих. Чувство пространства у него евразийское, критики говорили о влиянии на него тюркского фольклора. Замечателен в этом отношении стихотворный цикл «Песни киргиз-казаков». В стихах Васильева мы видим азиатский лик России. Это Южная Сибирь, дороги великих кочевий, где «бездомные гунны» оставили «на лицах у идолов отблеск души». С опорой на казачьи песни создал он образы Сибири («Иртыш», «Сибирь», «Дорога», «Песня»). И в городе ему грезились с детства любимые картины:

Над пёстрою кошмой степей
Заря подымет бубен алый.
Где ветер плещет гибким талом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни...

(«Азиат»)

Родился и вырос поэт в Прииртышье, в казачьей семье, свой жизненный путь начал странствиями и переменой профессий: матрос, старатель, журналист. Первое стихотворение он напечатал в пятнадцатилетнем возрасте во Владивостоке, затем – публикации в журнале «Сибирские огни». П. Васильев был неподдельно талантлив, и голос его стал выламываться из хора казённого словословия, хотя противником советского режима он не был. Соче-

тание новокрестьянской поэтической традиции с комсомольским пафосом (поэма «Кулаки», 1936 г.) и породило того стиливого «кентавра», который восхищал Н. Клюева.

П. Васильев

Несмотря на воспитание в казачьей среде, революционный мир Васильев принял во всех крайностях, со всею жестокостью. Сначала страшные реалии гражданской войны получили у него отстранённое изображение: «Война гражданская в разгаре, / И в городе неожиданный гам, - / Бьют пулемёты на базаре / По пёстрым бабам и горшкам... / На сеновале под тулупом / Харчевник с пульей в глотке спит, / В его харчевне пар над супом / Тяжёлым облаком висит... / И гармонист из сил последних / Поёт во весь зубастый рот, / И двух в пальто в овраг соседний / Конвой расстреливать ведёт» («Лагерь»). Но поэт порой делал выпады, которые воспринимали как «вылазки врага»: «Шла золотая орда юродивых, оконченевшие от ненависти стада». Ведь о белых не скажешь: «стада». Создаётся двойственное впечатление: когда поэт рассудочно обличает казачество за «реакционность», в глубине поэмы – величальная тональность.

В изображении восставших против большевизма казаков критика не находила сатирической тональности: «Белопёрый, чалый, быстрый буран, / Чёрные знамёна бегут на Зайсан. / А буран их крутит и так и сяк, / Клыкастый отбитый волчий косяк...». И, более того, причитание по убитым казакам: «Дыры глазниц проколола трава, / Белая кость, а была голова, / Саженная на саженных

плечах. / Пали ресницы, и кудерь зачах». 3-я часть поэмы «Соляной бунт» начата историей прииртышского казачества: «Эти стаи привёл на Иртыш Ермак, / Здесь они карагач на костры вырубали / И селились станицами возле зелёной волны, / Тыня, крепости называли по-рыбьи и птичьи <...> А к Ишиму, к аулам, курган на курган, / И трава на траву, и луна на луну, и звезда под копытом – / Воеводство коровьего рёва, курчавое море овечьё, / Лошадиные реки, тяжёлый кумыс в бурдюках, / Земли стонут от сытости, истосковавшись под ветром... / И в Тоболе остались широкие крылья знамен, / Обгоревшие крылья, которыми битва махала...».

Казачья жизнь (детство) дала поэту весь запас впечатлений, стала источником вдохновения. Художественный мир Павла Васильева дышит казачьим фольклором. Но и таёжная Сибирь ему не чужая, он чувствовал глубину преданий народов Севера. Стихотворение «Рассказ о Сибири» – конспект основных исторических этапов: «Рассказ о стране начинается так: / Четыре упряжки голодных собак. / Им северный ветер взлетает навстречу, / И, к нартам пригнув онемелые плечи, / Их гонит наездник, укутанный в снег, / Четыре упряжки и человек». Эти выхваченные из тьмы картины-блики проникнуты ощущением космизма – векового лада и нарушения его: «Рассказ продолжается. Ветер да камень. / Но взрыгта земля глубоко рудниками. / Подвластны железным дорогам равнины, / И первые транспорты ценной пушнины / Отправлены там, где, укутанный в снег, / Четыре упряжки провёл человек...» Стать певцом «покорения природы», как требовала власть в ту пору, ему мешало ощущение великих природных циклов:

Шуми, шуми, угрюмый хвойный край!..
 Ковёр шафранный расстелила осень.
 Смелее, ветер, песню начинай,
 Перебирая струны сосен...
 И на брусничный ветренный закат
 Тоскуют долго древние урманы...
 В последний раз над головой поднят
 Широкий бубен старого шамана...
 («Шаманья пляска»)

Главное в наследии П. Васильева – поэмы. «Песня о гибели казачьего войска» (1932) вызвала обвинения в «антипролетарской»

позиции автора, опубликована посмертно; много лет не переиздавалась поэма «Соляной бунт» (1933). О коллективизации – поэма «Кулаки», ирония и гротеск соединены в поэме «Христолюбовские ситцы». Лироэпическое звучание имеют последние поэмы «Автобиографические главы», «Лето», «Одна ночь», «Август».

Смерть в мире Павла Васильева – явление частое, она подчинена закону круговорота и лишена загадочности. Так, «Рассказ о деду» завершён по-пушкински: «И лучший удел – что в забытой яме, / Накрытой древнею синевою, / Отыщет тебя молодыми когтями / Обугленный дуб, / Шелестящий листвою». В 30-е годы размах чувств, буйный революционный темперамент были уже «не ко двору»: заорганизованная литература не терпела яркой индивидуальности, отклоняющейся от программы.

В Москве поэт-сибиряк оказался на распутье: его привлекали поэты клюевского круга, но время, казалось, требовало иного восприятия истории. Звание «кулацкий поэт» Васильев получил сразу, так как было видно сочувствие к разоряемым: «Засевай пшеницу, Овёс и рожь, Отдавай задаром, Да это что ж?...». Однако кулак – домосед и скупец, а поэт разбрасывал своё песенное богатство, жил бездомно и беспутно. Одно из последних стихотворений – «Раненая песня»: «Кому же надобен мой разор, Неужели не жалко / Хозяйства такого?..»

После последнего ареста Павел Васильев написал исповедь-прощание:

Друзья, простите за всё – в чём был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами.
Ваши руки стаями на меня летят –
Сизыми голубицами, соколами, лебедями.

Крестьянские поэты были обречены на уничтожение в ходе насильственной пролетаризации страны. Казаки, воины и хлеборобы, были самыми зажиточными крестьянами и сопротивлялись превращению их в безгласных батраков-колхозников. П. Васильев выразил, прежде всего, сибирский образ мира, стремительные перемены на родине: «Всё дальше вглубь теперь уходят звери, / Но не уйти им от своей судьбы./ И старожилы больше уж не верят / В давно пропетую и каторжную бль». Наследие поэта интерес-

но, прежде всего, как непреднамеренное воплощение идей евразийцев. Н. Трубецкой писал: «Удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но не понятная ни романо-германцам, ни славянам». Хотя последние годы П. Васильев прожил в Москве, ничего столичного или просто «городского» в его стихах нет. Это неподдельный голос Сибири: она и в XX веке тяготеет к романтике и героическому эпосу. Поэт подготовил пять стихотворных сборников, но ни один не был издан при его жизни. Он начал понимать, что у истории не может быть предреши́нного финала, что есть вещи бесконечно более важные – простая жизнь: «Пускай же сын мой будущий прочтёт, / Что здесь, в стране машины и колхоза, / В стране войны, был птичий перелёт, / В моей стране существовали грозы».

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930), мастер философско-экологического очерка, зрелые годы своей жизни отдал изучению природы Северной Азии. Сочетание научно-аналитического взгляда и философского обобщения, безыскусственность изложения отличают его прозу, не связанную напрямую с Серебряным веком. Путевые очерки резко отличались от господствовавшего тогда модернизма и вызвали большой интерес читателей своей поэтизацией дикой природы, а также темой встречи с лесными народами – удехейцами, гольдами и др. Жанр «путешествий», тема географических открытий в литературе XIX–XX вв. занимает важное место, правда, не касаясь основных художественных открытий.

Петербуржец по рождению, став офицером и геодезистом, Вл. Арсеньев устремился на Восток: жизнь в отрыве от природы представлялась ему ушербной. Около тридцати лет ходил он в экспедиции, вникал не только в природу восточной тайги, но и в жизнь её насельников – охотников и рыбаков палеоазиатской и тунгусо-манчжурской языковых семей. Его путевые очерки выросли на основе дневниковых записей экспедиций, а затем сложились книги «По уссурийской тайге» (1921), «Дерсу Узала» (1923), «В горах Сихотэ-Алиня» и «В дебрях Приморья» (две последние опубликованы посмертно). Читателей привлекают в них изобразительная точность при описании тайги и раздумья о природе и человеке. Арсеньев соединил протокольную дотошность Пржевальского с лиризмом Аксакова.

В повести «Дерсу Узала» природу одновременно видят герой-рассказчик, европейски образованный исследователь, и «сын тайги», все предки которого – охотники. Это сопоставление приводит героя-рассказчика к выводу, что его спутник «гораздо человечнее». Гольд Дерсу из рода Узала – не столько изображение определённого национального характера, сколько образ пешего охотника таёжной зоны, живущего древнейшим хозяйственным укладом. Дерсу читает тайгу, как книгу, поражая наблюдательностью и мудростью. Религиозные представления его – этика охотников эпохи неолита: признание всех существ равными человеку. Все, включая бурундуков и птиц, – «люди», все имеют равное право на жизнь. О солнце он говорит: «Его – главный люди, его умри – все умри». Финал подчёркивает мотив обречённости природного человека: доверчивый гольд был убит русскими бродягами, польстившимися на его ружьё.

Основа мироощущения в книге – космолизм, пафос приобщения к природе. Образованный человек взглянул на «инородца» с уважением и учится у него не частным навыкам, а мироотношению. Тем не менее советская критика 30-х гг. обвиняла Арсеньева, с одной стороны, в колонизаторском шовинизме, а с другой – в сокрытии «социальных противоречий в тайге». М. Пришвин говорил, что учился у Арсеньева изображению природы. Важнее всего, что писатель поднял проблемы, ставшие актуальными в условиях экологического тупика: судьба таежных народов, их культуры, их мировидения.

Эту линию продолжил в прозе Сибири Григорий Федосеев (1898–1968). Геодезист по профессии, он создал книги путевых очерков: «Мы идем по Восточному Саяну» (1950), «Тропкою испытаний» (1957), «В тисках Джугдыра» (1959). Лучшее произведение Федосеева – «Последний костер» (опубликована посмертно в 1969 г.), повесть о жизни и смерти эвенка Улукиткана. Склонность Улукиткана к обобщениям и моральным оценкам отличает его от арсеньевского Дерсу, характерно негативное отношение его к современности. Завет Улукиткана «и умирая, борись», раздумья о духовно-нравственных потерях, которые несёт с собой цивилизация, сделали повесть популярной.

К началу XX века фольклорно-мифологическое наследие аборигенов Сибири, в сущности, оставалось не востребованным, как

не был реализован и «куперовский» мотив (тема первопроходцев). Очевидно, создать сибирскую картину мира нельзя, если не учитывать фольклор и мифологию «инородцев». В 20–30-е гг. романы о народах Сибири писали русскоязычные советские прозаики. Вот показательный пример: «Как пришли мы с отрядом, сейчас же сход ихний созвали. – Ну что, товарищи тунгусы, – сказал Холкин, – перво-наперво про революцию слышали, про красных знаете? Стали потом о разном разговаривать. Муки-то, оказывается, тунгусы в глаза не выдывали» (Фраерман Р. Соболя. 1926). Как русские советские писатели героизировали «окаянные дни», так и русскоязычные аборигены прославляли путь исчезновения собственного этноса.

Однако в жизни любого народа, отлучённого от истоков, рано или поздно начинается «почвенническое» движение, хотя бы вялое и запоздалое. Мотив возвращения блудного сына к родному очагу можно различить в наиболее интересных произведениях аборигенов: «Ложный гон» нивха Владимира Санги, «Амур широкий» нанайца Григория Ходжера, «Синий ветер каслания» манси Ювана Шесталова. Типологически они близки рассказам и повестям т.н. *деревенщиков*, только написана исповедальная проза аборигенов уже не на родном языке. Все реалии традиционного быта, скреплявшие кочевой или охотничий народ, у писателей нового поколения предстали в ореоле запоздалого сожаления. В образах мифов открывается безусловная правота и далёкий прогноз, мудрость шаманов и кайчи ставится выше книжной, прорывается призыв создать заново сибирскую словесность.

Александр Александрович Мисюрев (1909–1973) – фольклорист и писатель, собиратель преданий сибирских рудников и заводов. Книга «Легенды и были» – результат записей преданий в Колывани, Сузуне, Барнауле, Салаире, Гурьевске – местах первых серебряных и медных рудников. «Бергалы» – сборник легенд и сказаний о горняках, история Демидовских заводов и кабинетских земель, Салаирской горной конторы в народном осмыслении. Среди потомков «каменщиков», бежавших с заводов «за Камень» – в Горный Алтай, в горнозаводском фольклоре особенно выделяются герои-бунтари и беглецы: Сорока, Селезень, Ушаков, братья Белоусовы, мститель Криволуцкий. «Молодечество», похвальба силой и удалью, заступничество за бедняков – характер-

ные черты героя-бунтаря. В сказах отложилась традиция исторических и удалых народных песен («Идёт бергал из штоленки...», «Распроклята доля злая»), переплелось легендарное и исторически достоверное. Мифологические образы – Горный батюшка (хранитель недр и заступник), Лесовик, Мать-земля. Книга «Предания и сказы Западной Сибири» (1954) включает легенды и были ямщиков Сибирского тракта. Повествования Мисюрева о ближайшей истории («Дедова сабля», «Четвертый горновой»), на темы производственной прозы, менее удачны, лучшие его произведения – в традиции народного сказа.

Романтическая линия отчётлива в творчестве Леонида Мартынова (1905–1980). Внимание читателей и критиков привлекли его исторические поэмы «Тобольский летописец», «Искатель рая», «Сказка про атамана Василия Тюменца, посла к золотому царю» (30-е гг.). В прозе его наиболее интересна историческая повесть «Сын боярский», посвящённая Семёну Ремезову, первому историку, картографу и зодчему Сибири. Поэтическое повествование о Мангазее «Лукоморье» по стилистике приближается к сказу – о первопроходцах великих сибирских рек и Крайнего Севера, о казачьих нравах начала XVII в., о встречах-столкновениях русских с аборигенами. Автобиографическое повествование «Воздушные фрегаты» восполняет данные о предреволюционной и революционной эпохе Сибири. Это рассказ о собственном детстве (главы «Детские грёзы», «Семейные предания»), о событиях 10-х – начала 20-х гг., картины гражданской войны в Омске и литературной жизни той поры; города и люди начала советской эпохи («Сибирские Афины», «Россия, верная мечте»), подробности литературного дебюта и уроки собственной литературной судьбы поэта.

Сергей Николаевич Марков (1906–1979) начинал как поэт и журналист, работал в сибирских газетах и журналах, в 30-е гг. начал исторические разыскания о первопроходцах Сибири, великих путешественниках прошлого. Так возник цикл документальных повестей «Люди великой цели»: «Рыжий Будда» (о бароне Унгерне, которого судили и казнили в Новониколаевске), «Великий охотник» (о Пржевальском), «Таморус Маклай» (эта повесть о Миклухо-Маклае была экранизирована), «Подвиг Семёна Дежнёва» и др.

Главное в наследии С. Маркова – сводное документально-художественное повествование: «Земной круг» (1966), «Вечные следы» (1973), «Летопись» (1978). Оно охватывает историю от скифской эпохи до нового времени, освещает историю географических открытий, эволюцию представлений о Северной Азии. Первые русские в Сибири и приход их к берегам Тихого океана («След великих кочей», «Под сенью морского креста») – это тексты, синтезирующие качества исторического романа и исследования Сибири.

Советская критика выстроила свой ряд классиков Сибири: Л. Сейфуллина, К. Седых, А. Иванов, Г. Марков, С. Сартаков, А. Коптелов. Но даже в масштабе региона это писатели второго и третьего ряда. Эпопеи, героизирующие гражданскую войну и коллективизацию, засилье темы «покорения природы» – общие явления в послевоенной литературе. Советские исторические романы в Сибири стилистически бедны, далеки от народной речи. Алексей Черкасов (1915–1973) в трилогии «Сказание о людях тайги» охватывает события от эпохи декабристов до середины XX века. Роман «Хмель» – одно из самых читаемых произведений сибирской прозы. Приключенческая интрига (побег каторжника декабриста Лопарева и жизнь его в старообрядческой деревне) соединена с «раскольничьей» экзотикой: искание правды дворянами и чистой земли – староверами, романтическая любовная история, вымысел и достоверные сведения о прошлом края здесь более или менее уравновешены.

В 60-е гг. частично возрождается понимание литературы как голоса края и самовыражения субэтнуса, что и сказалось в спорах о *сибирском характере*. Преобладала реалистически-бытописательская проза, и всё настойчивее были попытки преодолеть провинциализм сибирской литературы. Региональный процесс в Сибири в 70–80-е гг. становится весомой частью общелитературного. Всё чаще стали писать о размолотых семьях и уничтоженной родовой памяти, восстанавливать провинциальные предания и, гадая об ином варианте истории, намекать на историческую ошибку.

В прозе Георгия Маркова (1911–1985) наглядно тяготение геронко-панорамного романа 30–60-х к идеализации «окаянных дней» гражданской войны. «Строговы» (1939–1946), семейный

роман, расширяющийся до хроники областной жизни, изображает революцию и гражданскую войну в Сибири в свете большевистской программы. Все остальные романы-хроники Г. Маркова – повторение тематики и конфликтов, найденных в первом романе; писатель, не обделённый талантом, не развивался, шёл по кругу. В романах «Отец и сын», «Соль земли» и «Сибирь» место действия – нарымская тайга, но правдивая детализация тонет в пропагандистских натяжках. Совершенно очевидны схематизм, идеологическая предвзятость в изображении послереволюционной Сибири. Настроения «оттепели» почти не отразились в «секретарской» прозе Г. Маркова.

Виль Липатов (1927–1979) известен был в советское время как мастер «производственной» прозы. Но равное внимание он уделял быту «медвежьих углов» и конфликтам, порожденным современностью. Герои его рассказов чужаковаты, как и у Шукшина, и больше всего прозаик интересовал человек, выбившийся из колеи. Тип маргинала, человека социального промежутка, появился уже в ранних рассказах – «Самолетный кочегар», «Двое в тельняшках», «Зуб мудрости», «Мистер Твистер». Тема распада личности, алкогольного вырождения – в основе повести «Серая мышь» (1970). Нравописание и социальный анализ, ирония и элегия привлекательны в повести «Ещё до войны».

В цикле рассказов «Деревенский детектив» (1967) – сочетание драматизма и иронии в изображении, на первый взгляд, простых судеб. Детективный сюжет – поверхностный слой. настоящее открытие – парадоксальность поведения, неоднозначность характеров, казалось бы, самых обыкновенных людей. Через повторы и сопоставление ситуаций автор приближал читателя к пониманию всеобщего советского двойничества. Прозаик наблюдал перерождение советского человека, потребности которого оказались обыкновенным, прозаическими – благополучие, достаток, семейный уют.

Вглядевшись в советского обывателя, то есть статистически в основную массу, прозаик открыл всеобщую мимикрию: поведение в малом кругу и в большом коллективе, на виду, резко различалось. Мимикрия дала новые образцы юродства, отклоняющегося поведения. Итог расследования, вывод: ритуал лишь прикрывает реальность, не меняя сути жизни. Проблемы и типы

повести «Игорь Саввович» (1977) говорят о хорошем знании местной элиты, о попытке критики социальной системы и ограниченности этой критики. Внешняя занимательность – своего рода отвлекающий маневр, важнейшее – в подтексте. Читатели видели в мире Липатова больше, чем позволяла себе констатировать критика. Автор делал ставку на запасники анекдота, очень активного в позднесоветское время. Вопреки расхожему мнению, Липатов не столько обличал приспособленцев-обывателей, сколько изображал новую систему ролевых игр.

Сергей Павлович Залыгин (1913–2000) – мастер экологической прозы, создатель цикла романов о Сибири начала XX в. Сведения о жизни и научно-творческом пути писателя – в его исповедальном «Экологическом романе» (90-е гг.): участие в экспедициях, работа гидрологом на Севере и столкновение с кричащими проблемами. Роман «Тропы Алтая» (1962) – начало философско-экологических раздумий о Сибири. Бросается в глаза перекличка его с позднейшими статьями Залыгина.

Повесть «На Иртыше» (1964), посвящённая коллективизации, выдвинула его в число крупнейших мастеров прозы о деревне. Высоко оценил повесть А. Солженицын, справедливо увидевший в манере прозаика продолжение традиции Достоевского. Многоголосие – основа сюжета повести, это споры крестьян о советской власти и колхозе. Середняк Степан Чаузов занимает центральное место в конфликте, расколовшем народ; идёт борьба деревни за и против крепкого крестьянина. Автор нашёл свой основной принцип – то, что критики позднее назвали романом-диспутом. Раздумья главного героя о нужном и ненужном в жизни, желание организовать артель в согласии с народным опытом стали источником драмы. Чаузов хочет устроить артельную жизнь «почеловечески», остаться крестьянином, не стать батраком. Финал повести – раскулачивание середняка, наказание двух семей почти верной смертью за желание сохранить здравый смысл.

В романе «Соленая Падь» (1967) гражданская война дана глазами сибирских крестьян, их споры о власти, о войне и хорошем государстве – основа сюжета. Характер главного героя, Мещерякова, противоречив: отношение его, партизанского генерала, к войне резко отрицательное, он мечтает поскорей вернуться к крестьянскому хозяйству. Основа конфликта в романе – наро-

доправие и диктатура, доброта Мещерякова и фанатизм комиссара Брусенкова. «Комиссия» (1975) – сочетание исторического и философско-экологического романа. Устинов – нравственный центр деревни, с уничтожения крестьянина-мыслителя и начинается роковой раскол народа, это пусковой момент гражданской войны. В народной трагедии роль центральных героев – Чаузова, Мещерякова, Устинова – духовно-собирательная: они хранители основных жизненных ценностей. Спасая ленточный бор от вырубки, Устинов ищет согласия, а не братоубийства. В этом романе автор продемонстрировал религиозное (в советской огласовке – «реакционное») понимание нравственной активности. Таковы размышления Устинова о цене успеха и жертве, о влиянии братоубийственной войны на поколения.

Многоплановый сюжет романа «После бури» (1984) подчинён теме жертвенной избранности интеллигенции. Материал – жизнь сибирских городов в эпоху военного коммунизма и переход к новой экономической политике. Герои, прямо или косвенно, подходят к проблеме будущего национального примирения, находятся и противники его. Роман освещает трагедию интеллигенции в пореволюционной России. Бывший приват-доцент Корнилов, «специалист по концу света», догадался, что спасти человечество можно, «только содрогнувшись его гибелью». Это близко стилю Достоевского: мотив двойничества и перемена роли интеллигента в пореволюционной России. Финал романа – перенесение действия в современность: сбывающиеся опасения Корнилова о возможной самоликвидации человечества, раздумья о народе, его духовных провалах и исторических зигзагах, о человеке как враге природы. В романе за конкретно-историческим планом проступает трагедия с элементами притчи.

Драма идей интересовала Залыгина больше, чем нравописание. Трагическая вина его героев – не личного характера: это вина человека перед всеобщей жизнью. В Сибири завязались основные конфликты новейшего времени, оттого ответственность человека перед землёй здесь повышена. Экологическая публицистика Залыгина скорее завершает споры второй половины XX в., чем намечает прорыв в новое столетие. Этот прорыв сделали Астафьев и Распутин, соединившие мотивы ретроспективной утопии с апокалиптикой.

Василий Шукшин (1929–1974) в региональном литературном процессе почти не участвовал, дебют его состоялся в Москве. Но, по его словам, с малой родиной он был связан кровно и романы свои напечатал в «Сибирских огнях». В его раздумьях об Алтае, о Сибири слышен отголосок утопии возврата: «Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот – есть ещё куда отступать, есть где отдышаться, собраться с духом <...> Видно, та жизнестойкость, та стойкость духа, какую принесли сюда наши предки, живёт там с людьми и поныне...». «Там» и «сюда» – примечательные слова: писатель, выросший в Сибири, говорит с москвичами, но о своём, родном. «Отступать» от натиска мегаполиса он собирался *домой*.

Внимание к драматической стороне жизни – особенность его художественной манеры. Несомненна связь его рассказов с традицией бытописательской литературы Сибири, но есть и спор с нею. Уже в ранний период творчества прозаик уловил важность семейной хроники для осмысления драматической эпохи. Если советские прозаики писали родословную сибирского большевизма, то Шукшин – судьбу крепкого крестьянина, потомственного сибиряка, которому нет места на переродившейся родине. Герой многих рассказов Шукшина – чалдон, попавший в большой город. В сборнике «Сельские жители», и особенно в цикле «Они с Катуня», интересен колорит Алтая и характеры сибиряков. Такковы рассказы «Стёпкина любовь», «Игнаха приехал», «Гринька Малюгин», «Артист Фёдор Грай». Сибирская деревня – тематическая основа сборников «Там, вдали» и «Земляки». В сборниках «Характеры» и «Беседы при ясной луне» связь с сибирской деревней уже менее ощутима.

В мире Шукшина драматически варьируется мотив возвращения домой, укрупнён образ-символ Блудного сына. Попытки героев уйти в идиллию приводят к трагедийным развязкам. Трезво-ироничный писатель понимал обречённость провинциала на «побочное» существование, которое не может завершиться полным восстановлением национальной идентичности. Позиция ухода от цивилизации, показательная для В. Распутина, Шукшину чужда. Его герой обречён на драму встречи с нею, и нередко – на падение. Основная тема прозы Шукшина, в том числе и романа «Любавины», – превращение

коренного крестьянина, главного работника на земле, в изгоя, отверженного.

«Любавины» задуманы как «династийный роман», затронута судьба трёх крестьянских поколений, основа сюжета – слом векового уклада, трагедия независимых сибиряков, казачьих потомков. Обратная сторона наивности и бесшабашности Любавиных – жестокость, расправа над несогласными («Макар от роду к поножовщине охоч»). В характере Егора соединилось «прекрасное, нежное и звериное». Есть мотивы, общие для ранних рассказов и романа: неразрешённость социальных конфликтов переломной эпохи – источник современных проблем. Основная коллизия – революция «по программе» и дикая воля, противостояние активистов из города и людей тайги. «Уполномоченные» хотят управлять Бакланью по инструкции, а деревня погружена в тайгу, живёт рекой, горами и пашней. Большевики не способны понять, что для крестьянина расстаться с дедовским обычаем – то же, что стать иностранцем.

В сущности, писателя привлёк тот цельный человеческий тип, который в условиях гражданской войны не может избежать трагедийной участи. Шукшин раскрыл границы замысла, упомянул о перерастании семейной хроники в роман-трагедию: «Главная мысль романа – куда может завести судьба сильного и волевого мужика, изгнанного из общества, в которое ему нет возврата. Егор Любавин оказывается в стане врагов – остатков армии барона Унгерна, которая осела в пограничной области Алтая, где существовала почти до начала тридцатых годов» (Молодёжь Алтая. 1967. 1 янв.). В послереволюционной ситуации блудный сын может вернуться лишь на расстрел, и в его судьбе открывается высокая трагедия. Вероятно, если бы исполнилась мечта Шукшина о возвращении на Алтай, он создал бы крупный роман о послереволюционном прошлом Сибири.

Так или иначе, в творчестве писателей, выведших во второй половине XX в. сибирскую прозу из провинциализма, живут отголоски региональной утопии. Без гадания об ином варианте истории, без сомнения в «единственно правильном» пути беллетристика осталась бы одноголосой, у неё не было бы шансов стать интересной для других регионов Земли, для иных эпох и культур.

Автобиографическая основа прозы **Виктора Петровича Астафьева** (1924–2001) давно отмечена критикой. Ранние повести посвящены проблеме поведения человека в тайге. Рассказы о детстве («Конь с розовой гривой» и др.) и книга «Где-то гремит война» (1967) дали начало большому автобиографическому повествованию. «Стихийность», преодоление литературных канонов и установка на разговорную речь народа – принцип его построения и основное стилевое начало.

Повести «Последний поклон», «Зрячий посох» и «Царь-рыба» можно рассматривать как автобиографическую *трилогию*. Разрушая жанровый канон, прозаик изобразил возвращение зрелого героя-рассказчика в родные места. И открылся ему «пир хищников», мир браконьеров и пожизненных туристов. Патриотический тон, заданный первым рассказом «Далёкая и близкая сказка», судьба родной земли как лейтмотив «книги жизни» задают ностальгическую тональность: родное превратилось в чуждое. «Последний поклон» – дань памяти ушедшим поколениям русских крестьян.

В. Астафьев

Жанровые истоки книги «Царь-рыба» (1975) – нраво-описание, есть в ней натурфилософские обобщения и притча (центральный рассказ). Сюжет основан на конфликте своего и чужого, что можно толковать как верность областнической позиции. Чужое, разрушительное торжествует, оттесняет коренное, выверенное веками народной жизни. Коренные сибиряки стали браконьерами, а образованные горожане – пожизненные туристы, для них

нет ничего родного. Разрушительные силы в народе (отклонение от общинности, зафиксированной в рассказе «Уха на Боганиде») перевешивают силы спасительные. Поэтому приходит воздаяние человеку за грех перед землёй-матерью и перед людьми. К исходу XX века небывало острым оказался вопрос о народе как источнике нравственной меры: слишком очевидна невменяемость.

Неожиданным кажется нарастание апокалиптических мотивов в поздней прозе Астафьева. По его мнению, нынешнее человечество не имеет оправдания ни перед Богом, ни перед природой. Начав хвалой природному и народному ладу, писатель закончил безысходным диагнозом: «Человечество подошло к опасной черте самоуничтожения и не всегда и не везде осознаёт это». К этому прибавилась уверенность, что люди массовой культуры слышат только лжепророков. Поздняя проза Астафьева стала покаянием в грехах – не личных, а национальных и общечеловеческих: «Даже и “аминь” некому будет сказать, ибо забудут слова, забудут всякую веру, забудут сами себя, на четвереньках уползут обратно в холодные пещеры...».

Наблюдения и обобщения о Сѣбири, развёрнутые в романе «Печальный детектив» (1986), ранее появились в публицистике Астафьева. Основной мотив здесь – перерождение, превращение родного в чужое. Это лейтмотив русской литературы XX века, начиная с новокрестьянской поэзии. Если «сеятель и хранитель» отпал от почвы, то прежнее народопоклонство под вопросом. В. Шукшин мог ещё утверждать, что «народ знает всю правду», Астафьев в этом усомнился. В конце жизни писатель назвал картину современности невыносимой: «...с ума спячу или умру досрочно, если возьмусь “отражать” то, что произошло и происходит в Сибири и с Сибирью. Как её, милую и могучую, измордовали, поувечили, изнахратили и изнасиловали...». Нравоописательный роман «Печальный детектив» содержит диагноз нравственного нездоровья народа и печальный прогноз относительно жизни сибиряков.

Валентин Григорьевич Распутин (род. в 1937), крупнейший из прозаиков-сибиряков второй половины XX в., начинал с газетных статей о великих стройках Сибири, а в зрелости пришёл к выводу: «научно-техническая революция произошла у нас... на полупогребённой почве»; выкорчёвывая коренные традиции, она

завершала дело социальной революции. Художественный мир Распутина – преимущественно диалог интеллектуальной Сибири с крестьянской, даже аборигенной. Это взгляд на «Вавилонскую башню» машинного прогресса глазами «низового» сибиряка, но при ясном понимании механизма цивилизации. В рассказах «Старуха», «Василий и Василиса» прозаик нашёл основную тему – конфликт нового и традиционного уклада. Распутин был сразу включён критикой в когорту «деревенщиков», быстро завоевал всесоюзное признание, а затем пришла и мировая известность. Но читателям других стран он интересен в первую очередь как сибиряк.

В. Распутин

«Деньги для Марии» (1967) – повесть о нравах сельских жителей, о разрушении общинности, родства. Анализируя случай (малограмотная крестьянка проторговалась в магазине и обратилась за помощью к сельскому миру), вводя мотив поиска-странствия, автор создал панорамную картину деревни. В первой повести уже есть ощущение утраты национальной идентичности, катастрофической подмены: «Мария, посмотри: народ-то не наш, чужой». Писатель убеждён: весь XX век народу мешали жить преобразователи-прогрессисты, создавшие социальную химеру. Основной мотив зрелой прозы Распутина высказан старой крестьянкой: «Мы теперь так и этак не своим ходом живём. Люди про своё место под Богом забыли».

В основе лирико-философской повести «Последний срок» (1970) – раздумье о жизни и смерти. Событийная канва: три последних дня жизни старухи Анны и воспоминания о тяжкой судь-

бе – на фоне лёгкой жизни детей. Внутренний сюжет – распад родственной связи («родовы'»), духовная пустота современности и житейские крестьянки. Распутин унаследовал лесковский интерес к праведникам, это старые женщины, хранящие память рода, опыт поколений. В основе повестей – пороговая ситуация, предельное испытание, катастрофический обрыв. Следующее произведение, «Живи и помни» (1974), – повесть о военном времени, но без изображения войны, рассказ об отступнике-оборотне. Деградация дезертира (Андрей Гуськов) противопоставлено самопожертвованию его жены Настёны, взявшей на себя грех мужа перед миром. В повести подспудно звучит мотив рока. Гуськов – блудный сын, но родной дом он покинул поневоле. Угнанный на бойню, заслуживший отпуск после ранения и не получивший его, этот измотанный человек уверен, что его убьют. Но, движимый желанием продолжить род, он становится врагом жизни, виновником смерти не только жены, но и не рожденного ребёнка.

В путевом очерке «Вниз и вверх по течению» (1972) писатель впервые осветил тему затопления деревень, художественное же решение вопроса о дьявольской цене прогресса – в повести «Прощание с Матёрой» (1977). Матёра – символ родящей земли, всего, к чему можно привязаться душой. Но «наша Матёра на электричество пойдёт», – это мотив сатанински высокой платы за прогресс. Мифологический пласт в сюжете повести – Хозяин острова (зверёк, хтонический образ), Царский листвень; мотив кощунства (поругания костей) – в сцене разорения кладбища. В повести создан образ крестьянской Атлантиды – земли, уходящей в воды забвения; запоминается она темой разрыва линии жизни, разобщения поколений. Символическое обобщение – в венчающей повесть мотиве «беспутства», блуждания в тумане. «Прощание с Матерой», с одной стороны, – продолжение мотива замкнутости, самодостаточности сибирской земли, с другой – обнажение архетипов, общечеловеческой символики. Это картина апокалиптического воздаяния за отступничество. Повесть «Пожар» – художественно-публицистический эпилог этой философской повести и фокусировка острейших конфликтов современности. Предельное выражение они нашли в повести «Дочь Ивана мать Ивана», вписывающейся в контекст антиингилистической литературы (Достоевский, Лесков).

Публицистика Распутина («Сибирь без романтики») – размышление о путях заселения Северной Азии и перспективах национальных культур, о техническом прогрессе и беспамятстве. По мнению В. Распутина, романтической любви к экзотике уже нет места, «сибирская идея» превратилась в «трезвый охранительный реализм». Он учит не долготерпению, а национальному достоинству, которого нет без памяти. Более всего писателя отталкивает титаническая одержимость переделкой земли: «безродство старается весь мир сделать подобным себе». Настороженным отношением к Центру литература Сибири перекликается с латиноамериканской и японской, в них так же остро поставлены философско-экологические проблемы. Модернизм – это разрыв с локальным контекстом в пользу глобального, и здесь понятно неприятие его многими сибиряками. Именно регионализм дал последних русских классиков, так проявилась несовместимость механистической цивилизации и органической культуры. Сибиряк ждёт не идиллического конца истории, а спасения живой природы и национальных (органических) культур.

Региональное сознание консервативно: охраняя органическую традицию, оно борется за многоцветие культуры. О Сибири произнесено много восклицательных предложений: у неё великое будущее, расцвет её – впереди. Но экологическая ситуация явно ухудшается, и провинция поневоле заняла консервативную позицию. История Сибири была драмой, и драма эта в литературные формы ещё не уложилась. Хотя литература Сибири остаётся лишь одной из провинциальных, она претендует на значительную роль в русской и даже мировой культуре. Во второй половине XX века Сибирь дала несколько писателей, получивших мировое признание. Но здесь необходимо преодолеть одно застарелое предубеждение: если сибиряк создаёт произведения общенационального уровня (например, С. Залыгин) или мирового (В. Распутин), в контексте сибирской прозы о нём упоминают лишь мимоходом, даже если он всю жизнь размышляет о малой родине.

Соприродное миропонимание в условиях глобализации культуры – это самооборона «глубинки». Сегодня традиционная российская культура живёт преимущественно на периферии. Если даже признать утопичной идею реконструкции русской культуры, регионализм понятен как попытка сохранения разнообразия.

Таков в основном пафос публицистики С. Залыгина, В. Астафьева, В. Распутина. «Отставание» Сибири от центра может оказаться спасительным перед лицом системного упрощения мировой культуры. Серьёзная литература региона – это опыт культурно-исторической адаптации, а не репродукция чужих наработок. В современных условиях первоочередная задача – сохранение региональной идентичности. Иначе, без многоцветия культур, цивилизация упрощается, духовно деградирует. Хотя, рассуждая о сибирском характере, подразумевают чаще всего русскую ментальность, наследие Сибири – это не субэтничный, а суперэтничный текст. Реализовать его можно, лишь имея в виду «сибирскую идею», призвание Зауралья в новых условиях.

Итак, до конца XX в. сибирская реальность давала писателям взаимоисключающие импульсы: чувство голого пространства, где можно воплощать титанические проекты, и последнего прибежища жизни в согласии с природой. «Сибирская идея» преемственно связана с консервативной утопией, в которой нет мотива переделки природы или человека, её установка – приспособление к коренной традиции. В конце XX в. различимы и проекты реконструкции национальной культуры, и признание аккультурации («руин культуры») неизбежностью. Думается, Гребеншиков, Астафьев, Распутин и Шукшин наиболее полно изобразили тип сибиряка и выразили драму субэтнического сознания – необходимость и невозможность его формирования. Это и есть круг сибирских классиков.